

Сюй Ченхао сказал сам себе, что он не может поддаваться обману нынешней внешности Цзин Ичэна. Он даже начал вспоминать тот безумный и холодный взгляд собеседника, когда они впервые встретились. К тому же он подумал, что ему нужно установить чувство дистанции с персонажами сюжета.

Но когда он пришел домой, то увидел Цзин Ичэна, молча стоящего у двери. Он выглядел невероятно жалко. Сюй Ченхао понял, что он не может просто закрыть дверь у его носа. Наконец, он вздохнул и сказал: «Входи».

Цзин Ичэн мгновенно поднял голову и последовал в квартиру Сюй Ченхао с ярко горящими глазами.

Сюй Ченхао включил свет в комнате, так что гостиная была ярко освещена. Это была редкая ночь, когда в квартире было невероятно тихо. Сюй Ченхао оперся на диван, чтобы немного отдохнуть, а затем внезапно почувствовал себя немного голодным.

Однако сейчас была середина ночи, так что экономка уже ушла, и, по его оценкам, никто сейчас не доставит еду на вынос. Сюй Ченхао пошел на кухню и достал пакет с лапшой, а затем крикнул Цзин Ичэну, который оставался в гостиной: «Ты голоден?»

Цзин Ичэн серьезно посмотрел на свой живот и сказал: «Я буду есть, если ты будешь».

«Тогда давай поедим немного вместе».

Сюй Ченхао приготовил лапшу, а затем открыл холодильник и некоторое время смотрел на его содержимое. Наконец, он достал помидоры и яйца.... Если говорить честно, то его кулинарные навыки были не очень хорошими.... Конечно, от его пищи не отравишься... но о большем он говорить не будет.

Сюй Ченхао вымыл помидоры и порезал их на кусочки, взбил яйца, чтобы использовать их позже, а затем начал жарить все на масле.

За всем этим процессом наблюдал Цзин Ичэн, который стоял у дверей кухни. Его глаза сияли, как у ребенка, который увидел что-то необыкновенное.

Ему было сложно описать свое текущее настроение: оно было настолько сложным, что он помнил только счастье, а его глаза были настолько поглощены существованием Сюй Ченхао, что он не мог отвести от него взгляда.

Возможно, он смотрел слишком пристально, из-за чего Сюй Ченхао снова засветился фиолетовый светом. Разница с прошлым разом заключалась в том, что на этот раз свет был явно намного более сильным, как будто тонкий слой фиолетовой марли покрывал всю фигуру Сюй Ченхао. Он подсознательно протянул руку, чтобы попытаться ее снять.

Сюй Ченхао, к которому Цзин Ичэн прикоснулся, в замешательстве обернулся: «Что случилось?»

Цзин Ичэн, который внезапно пришел в сознание, неловко убрал руку и сказал: «Голод... я голоден».

«Уже все готово», - Сюй Ченхао взял лапшу, положил сверху начинку из яичницы с помидорами и заранее предупредил: «Это все, на что я способен. Я могу сказать только, что этим не отравишься, но ты должен быть психологически подготовлен.... Эй? Может, ты просто

поешь немного лапши в с бульоном?»

«Я не буду», - Цзин Ичен последовал за ним с миской и палочками для еды: «Люди все еще должны бросать вызов самим себе».

Сюй Ченхао положил лицо на стол: «Да, после того, как ты поешь мою еду, ты сможешь больше дорожить едой экономки, хахаха».

Цзин Ичен разложил все по тарелкам и посмотрел на свою еду с легким удивлением.

Сюй Ченхао щелкнул пальцами у него перед носом: «Боишься? Не волнуйся, это все же не ядовито».

Цзин Ичен улыбнулся и сел, чтобы поесть с ним лапшу. Вкус этой еды был в восемнадцати тысячах милей от вкуса той, что готовила экономка. Сюй Ченхао сам себе велел довольствоваться этим и подождать, пока утром она не вернется, чтобы приготовить ему завтрак. Цзин Ичен молча забрал оставшуюся лапшу и переложил ее в свою миску. Он довольно быстро все съел.

Сюй Ченхао подумал, что тот действительно был очень голоден, поэтому ничего не стал говорить. После того, как они перестали есть, он сразу стал серьезным. Он постучал пальцем по столу и сказал: «Я сыт. Теперь давай поговорим о Чжуо Мэйсюэ».

Цзин Ичен немедленно замер, и его настроение упало. Он немного уклончиво сказал: «Я уже сказал то, что должен сказать. На эту тему не о чем больше говорить».

Сюй Ченхао посмотрел на него некоторое время и внезапно сказал: «Подожди немного!»

После этого, прежде чем Цзин Ичен смог среагировать, Сюй Ченхао поднялся. Он довольно долго находился в своей спальне, после чего вышел, держа в руках маленькую подушку в виде желтой утки, а также ручку и блокнот. Он снова сел на диван.

Цзин Ичен почувствовал, что разговор, похоже, будет отличаться от того, о котором он думал. Это заставило его немного испугаться, так что он стал еще более нервным. Он сел и выпрямил спину, как заключенный, готовый выслушать приговор.

Сюй Ченхао откашлялся: «Ты хочешь вернуть маленькую желтую утиную подушку?»

Цзин Ичен молча взглянул на подушку: «Да».

Сюй Ченхао продолжил: «Хочешь получить перец чили?!»

Цзин Ичен слегка увеличил громкость своего голоса: «Да!»

Сюй Ченхао: «Хорошо, раз уж произошла такая ситуация с Чжуо Мэйсюэ, то я не хочу много говорить об этом. Также я не хочу говорить с тобой о способах поведения. У меня есть только одно предложение. Пока ты будешь контролировать свои опасные мысли и различные экстремальные формы поведения, то даже во время эксперимента, пока ты сделаешь что-то правильное, то ты можешь попросить у меня немного чили. Если не будет чили, то я куплю тебе маленькую желтую утку. Сделка заключена?»

Цзин Ичен нахмурился: «Что я должен тебе говорить?»

Сюй Ченхао открыл блокнот и подал ему вместе с ручкой: «Ты можешь говорить мне что

угодно, но ты должен написать мне гарантийное письмо о том, что все, что ты мне скажешь, будет правдой. Если ты мне солжешь, то... я дам маленькую желтую уточку или перец чили Ли Няню!»

Цзин Ичен немедленно выпрямился: «Я обещаю не лгать!»

Сюй Ченхао подтолкнул к нему ручку и бумагу: «Нет никаких доказательств этому».

Цзин Ичен взглянул на выражение лица Сюй Ченхао, а затем молча взял ручку, чтобы написать гарантийное письмо. Наконец, он нервно подписал его своим именем и поставил дату: «Пока я не буду лгать, эта гарантия будет действительна».

Сюй Ченхао осторожно убрал блокнот: «Так что это все еще зависит от тебя».

Глаза Цзин Ичена следили за блокнотом. Прежде чем он пришел в себя, Сюй Ченхао бросил в него маленькую желтую утиную подушку, которую держал в руках, а затем сказал: «Сначала я верну тебе подушку. Это будет наградой за то, что ты проявил инициативу и написал гарантию. Что же касается других наград, то ты должен контролировать себя, понимаешь?»

Цзин Ичен молча кивнул.

Сюй Ченхао: «Вот и хорошо, а теперь спать!»

Было четыре часа утра, так что Сюй Ченхао был слишком сонным. Он запер блокнот в сейфе, помылся и пошел спать. Очень скоро он заснул.

В это время в гостиной Цзин Ичен держал в руках мягкую и пушистую маленькую желтую утиную подушку. Он долго смотрел на дверь Сюй Ченхао, а потом, не в силах удержаться от улыбки, зарылся лицом в подушку.

Нет никакой воображаемой тирады, в которой его обвиняли, никаких воображаемых споров о том, что правильно и неправильно, никаких попыток наложить на него вето или сказать, что их ценности слишком разные, чтобы они могли ужиться вместе.

Напротив, Сюй Ченхао не только приготовил ему еду, но и еще и вознаградил его, а также попытался поменять его по-своему... даже если его уговоры были похожи на то, как уговаривают ребенка, а перец, которым он торговался, был его собственным согласно их контракту, он все еще был счастлив. Очень, очень счастлив!

Он очень любил это чувство. Любил настолько... что все больше и больше хотел монополизировать его.

Внезапно телефон, лежащий на столе, зазвонил, вытаскивая Цзин Ичена из его собственного мира. Он поднял голову и, слегка улыбаясь, взглянул на отображаемое на экране сообщение. Его помощник написал: «Чжуо Мэйсюэ не спит».